

**Аргентинский радикализм: идейно-политическая эволюция
в конце XIX – начале XX в.**

Гражданский радикальный союз (ГРС) – радикальная партия – появился в борьбе с олигархическим режимом за демократизацию политического строя страны. Корни ГРС следует искать в особенностях социально-экономической и общественно-политической жизни Аргентины в рассматриваемый период – страны переселенческой, в которой имелся значительный фонд неосвоенных государственных земель и шло бурное развитие агроэкспортной экономики на основе массовой европейской иммиграции.

Господствующая социально-экономическая структура – агроэкспортная экономика, находившаяся в собственности олигархии и иностранного капитала ограничивала становление современного производства и конституирование современных классов. В стране отсутствовала крупная промышленность за пределами агропромышленного комплекса. Это обусловило слабое развитие промышленной буржуазии и пролетариата, формировавшихся в значительной мере из иммигрантов – иностранных граждан, которые законодательно исключались из политической жизни страны. В связи с этим все большее значение приобрело выдвижение на передний план общественно-политической жизни средних слоев.

Особенностью политических процессов, протекавших в среде господствующего класса, было несоответствие между диктатурой олигархии как класса и политической формой этой диктатуры. Это противоречие нашло выражение в правлении одной группировки олигархии и лишения остальных участия в управлении государством.

Исторические условия, в которых проходило становление ГРС, предопределили особенности его формирования и функционирования. ГРС возник на основе союза части крупных землевладельцев, не входивших в правящую олигархию, и средних слоев и существовал в виде социального блока. Облик ГРС как партии определял аморфный конгломерат из оппозиционных групп олигархии и лиц свободных профессий.

Создание ГРС стало ответом на стоявшую перед страной задачу установления политической демократии, реализация которой

требовала сформулированной программы, т.е. идеологической базы.

В историографии последнее традиционно связывается с деятельностью И.Иригойена, возглавившего ГРС после смерти его основателя Л.Алема. Не проводится различие между их взглядами. Многие положения, разработанные Иригойеном, автоматически распространяются на ранний радикализм. Такой подход основывается на неразличении двух этапов в становлении агроэкспортной экономики: последней трети XIX в., когда существовала возможность направить аграрное развитие по фермерскому пути, и этапа, наступившего в начале XX в., когда восторжествовал латифундистский путь. Идеино-политическая эволюция ГРС зависела от импульсов, исходивших на каждом из этих этапов от изменяющейся социально-экономической структуры и общественных сдвигов.

В данной статье формирование идеологии ГРС рассматривается как процесс, в котором выделяются два периода: ранний радикализм и иригойенизм. Идеино-политическая эволюция ГРС исследуется в связи с социально-экономическими условиями и политической борьбой на каждом из этих этапов.

Ранний радикализм

Политическая родословная радикализма восходит к либеральной оппозиции, демократическое крыло которой составила университетская молодежь во главе с Л.Алемом. Первоначально будующие радикалы действовали в рядах автономистов, основав в 1868 и 1870 гг. клубы "Равенства" и "25 Мая". В 1877 г. они попытались создать первую в стране политическую партию – республиканскую.

Вместе с Алемом в политику пришло новое поколение – А.дель Валье, И.Иригойен, которые заявили о себе как о продолжателях дела Майской революции 1810 г. – борьбы за свободу. "Разве мы завершили дело, которое они начали? 50 лет непрекращающихся беспорядков, разнузданных вольностей, ужасных волнений, братоубийственной борьбы, где бесполезно проливалась аргентинская кровь, говорят, что нет". "Если наши отцы завоевали свободу, потому что были великими, их дети не сумели ее удержать, потому что вместо исполнения прав, которое надлежит осуществлять каждому достойному гражданину, мы беспечно устремились в объятия деспотов и каудильо"¹.

Новое поколение политиков ставило главной целью своей деятельности утверждение в стране политической демократии. Идея

суверенитета народа стала центральной темой всех программных документов, начиная с клубов "Равенства", "25 Мая" и республиканской партии, написанных Алемом. Зарождение демократического движения было ответом на усиление консерватизма в политике правящих кругов, стремившихся положить конец и той ограниченной демократии, которая существовала, прежде всего, в Буэнос-Айресе, после свержения диктатуры Росаса и до федерализации Буэнос-Айреса в 1880 г.

В соответствии с принятой в 1853 г. конституции власть была организована на либеральных принципах, но на практике государственно-правовые формы были наполнены не демократическим, а авторитарным содержанием. Это наложило своеобразный отпечаток на развернувшуюся политическую деятельность будущих радикалов, которая превратилась в борьбу за соблюдение основных конституционных норм, придавая законность требованиям демократических сил. Конституция стала главным орудием борьбы за свободу. На ее принципах должна была зиждиться политическая власть.

Алем и его единомышленники провозгласили главным требованием своей программы "исполнение конституции". "Только тогда, когда этот прекрасный кодекс будет соблюдаться во всех своих частях, на деле станут существовать свобода, справедливость, прогресс и цивилизация"². Народный суверенитет немыслим без свободных выборов, но "избирательное право монополизировано узкой группой лиц". Отсюда – призыв к гражданам "любых политических взглядов и общественного положения" прийти к избирательным урнам и добиться, чтобы государственные должности занимали "люди, действительно представляющие большинство"³.

Будущие радикалы продемонстрировали истинную преданность идее народного суверенитета и воле большинства. Утверждение демократической формы правления они считали венцом общественного прогресса вообще. "От исполнения этого права почти исключительно зависит процветание и величие родины"⁴. Как общественное движение радикализм с момента своего зарождения складывался на основе политической, а не социальной программы. Основопологающим признаком свободы, за которую призывали бороться Алем и его сторонники, было обеспечение политического равенства граждан.

"Конституционной" цели соответствовали и законные методы борьбы за нее. Будущие радикалы надеялись ее добиться только конституционными средствами, уверенные, что те элементы демо-

кратии, которые уже существовали в политическом строе Аргентины до 1880 г., достаточны для того, чтобы мирным путем прийти к власти.

Какие же преобразования они намеревались осуществить в случае прихода к власти?

Программа республиканской партии, несмотря на быстрое исчезновение самой партии, которая так и не вышла за границы провинции Буэнос-Айрес, после того как ее кандидаты А. дель Валье и Л.Алем потерпели поражение на губернаторских выборах в 1877 г., подытожила все ранее провозглашенные требования и выдвинула новые. Она включала следующие реформы: проведение политической, муниципальной и судебной децентрализации; создание суда присяжных по уголовным делам; закон о печати на основе свободы слова; ответственность государственных служащих перед законом; независимость законодательных органов от исполнительной власти и устранение из избирательного процесса подлогов, фальсификаций и насилия; честность и порядочность в расходовании государственных средств; развитие народного образования и автономия университетов"⁵.

Программа наряду с политическими содержала и социально-экономические пункты. В области экономики выдвигались требования специальной защиты сельскохозяйственного производства; колонизации земель вдоль железных дорог и рек; защиты промышленности, которая может успешно развиваться в стране; равновесия бюджета⁶.

В программе поднимался аграрный вопрос. Аграрные требования носили умеренный характер и касались лишь фонда свободных земель, не посягая на существующие латифундии. По-другому и не могло быть. Провозгласив себя защитниками конституции, будущие радикалы обязались тем самым соблюдать и ее ст.17, которая гласила: "Собственность является неприкосновенной"⁷. Если ни о каком перераспределении уже сложившейся частной собственности на землю речи не шло, то по-иному обстояло дело с незанятыми территориями, доступ к которым стремились сохранить за потенциальными фермерами. Последней цели служило требование "снизить цену общественной земли, которая доступна лишь богатым с большим ущербом для прогресса провинции"⁸. Тем самым предвосхищался, хотя и в ограниченном размере, фермерский путь развития капитализма в сельском хозяйстве.

Республиканская партия предусматривала выполнение своей программы в форме мирной избирательной и парламентской борь-

бы за принятие и исполнение демократических законов на основе сотрудничества, а не борьбы классов. Красной нитью через все документы проходит мысль, сформулированная в манифесте клуба "25 Мая": "Наше знамя столь широкое, что вокруг него могут объединиться все честные люди, которые желают консолидации национальных и провинциальных институтов"⁹. И хотя в манифесте избирательного комитета республиканцев говорилось о "социальной революции столь же мирной, сколь и плодотворной", под ней подразумевались внутренние преобразования общества, прежде всего создание системы автономных муниципалитетов – основы народовластия и "школы республиканской практики"¹⁰.

Демократический идеал, выдвинутый Алемом и его сторонниками, необходимо было приблизить к народу, сделать понятным массам. Поэтому перед будущими радикалами не мог не встать вопрос: опираясь на какие национальные традиции, можно прийти к демократии? Ответ на этот вопрос дал Алем в своем выступлении в легислатуре Буэнос-Айреса в ноябре 1880 г. против федерализации Буэнос-Айреса¹¹.

Стремясь опереться на прошлое страны при обосновании недопустимости федерализации Буэнос-Айреса, Алем выдвинул историческую концепцию становления аргентинской государственности. В его трактовке противостояние унитариев и федералистов являлось борьбой аристократического и демократического начал аргентинской истории. Для торжества первой тенденции необходима была федерализация Буэнос-Айреса. Развитие второй тенденции, сторонником которой являлся Алем, вело к ликвидации демократических институтов, записанных в конституции¹², установлению диктатуры, власти олигархии¹³.

Алем – последовательный федералист. Федерализм Алема носил иной, нежели при Росасе и его последователях, характер. Если Росас под лозунгом федерализма привлекал на свою сторону народные массы, выступая в роли их хозяина и покровителя, и тем самым укреплял диктатуру олигархии Буэнос-Айреса на начальном этапе ее существования, то для Алема федерализм являлся институционной формой демократии, учитывавшей историко-культурное своеобразие Аргентины, был единственным путем приобщения к ней народных масс. Последующее развитие событий показало правоту Алема. С образованием ГРС понятия радикализма и федерализма в общественном сознании слились, стали выступать как синонимы. И на вопрос, кто такие радикалы, жители про-

винций без колебаний отвечали, что радикалы – это настоящие федералисты¹⁴.

Позиция Алема шла вразрез с мнением подавляющего большинства политической элиты, которая придавала очень узкое толкование провозглашенному в конституции основополагающему принципу: в столице действует центральная власть, издающая общегосударственные распоряжения; в отдельных провинциях функционируют местные власти, которые решают находящиеся в их ведении вопросы. Такое понимание федерализма было очень далеким от взглядов Алема. Для него федерализм – прирожденное свойство нации. В концепции Алема она предстает как множество автономных организаций, охватывающих все социальные связи и прямо способствующих материальному и духовному благополучию народа во всех местах и регионах страны. "Федеральный режим, который мы приняли.., – подчеркивал Алем, – признает политическую индивидуальность и прямое управление за коллективами, образующими аргентинскую нацию"¹⁵.

Идея федерализма у Алема неразрывно связана с идеей политической свободы. Именно в представительной федеральной форме правления возможна, по мысли Алема, подлинная политическая демократия. В построениях Алема федерализм предстает как институциональная форма демократии, которая охватывает все ступени общественной организации: сначала индивида и семью, затем квартал, вслед за этим муниципалитет, далее провинциальную власть и на заключительном этапе – центральное правительство. Такова, на его взгляд, федеральная система, в которой с наибольшей широтой и легкостью могут развиваться демократические институты и самоуправление, где "народ живет собственной жизнью, сам развивает свои силы и берет на себя груз ответственности за свои действия"¹⁶.

Обрисовав свою модель политической организации Аргентины, в которой прямое народоправство, широкое самоуправление на местах сочеталось бы с централизацией высших эшелонов государственной власти, Алем уделил самое пристальное внимание механизму функционирования этой системы.

В представлении Алема демократическая организация страны могла быть действенной лишь при условии существования политических партий. В противоположность взглядам "поколения 80" на партии, как на зло, поскольку они только вносят раскол в общество и являются совершенно излишними¹⁷, Алем утверждал, что именно в них воплощается политическая жизнь, столь необходи-

мая для свободных народов. Для подтверждения своей позиции Алем апеллировал к опыту Англии и США, успешное развитие которых он объяснял существованием и борьбой политических партий, "которые вызывают к жизни хорошие институты и изменяют существующие путем благотворных реформ, выявляя скрытые богатства страны. Серьезная ошибка думать, как думают некоторые, что существование партий является слабостью, болезнью современных обществ, причиной бед и несчастий, от которых они обычно страдают"¹⁸.

В развернувшейся дискуссии главное место заняла проблема соотношения экономического развития страны и ее политического устройства. Х.Эрнандес, выражая мнение большинства, считал, что политическая система страны не нуждается в партиях, поскольку в Аргентине нет почвы для них: отсутствуют экономические и социальные антагонизмы; радикальные политические течения и религиозные проблемы¹⁹. Поэтому необходимо сосредоточиться на вопросах экономического развития, заменив политику административным управлением. По существу он поддержал лозунг Рока "мир и управление".

Возражая Эрнандесу, Алем обратил внимание на неразрывную связь экономики и политики. Как его оппонент и как все тогдашние политические деятели, он исходил из того, что экономическое развитие детерминировано политическим устройством. Расходились же они в вопросе: какой политический режим в наибольшей степени благоприятствует экономическому прогрессу страны. К ранее высказанным доводам в пользу политической демократии Алем добавил еще один – моральный, введя понятие "хорошая политика". "Я должен сказать ему (Эрнандесу. – В.К.), что нельзя абстрагироваться ни от Конституции, ни от политики. Не будет хорошего экономического порядка ни хороших финансов, если не будет хорошей политики.

Хорошая политика выражается в мире, в истинном порядке, гармонирующем со свободой, в искреннем исполнении всех прав и законных устремлений, в регулярной игре всех институтов, на практике осуществляемой уполномоченными народа. И это в этой ситуации, удобной и легкой, в которой общества могут процветать, придавая силу своей деятельности и развивая все моральные и материальные силы. И это хорошая политика, которая, в конечном счете, отвергает насильственные эволюции, наподобие нынешней и советует группам и политическим партиям отказаться от своих временных интересов перед лицом проблем, подвергающих опас-

ности общие и постоянные интересы страны"²⁰. Впоследствии акцент на этике общества станет ведущим в доктрине радикализма.

Как и "поколение 80", Алем отрицал существование сколь-либо серьезных социальных различий в стране, но в отличие от последнего он считал, что чрезмерное усиление публичной власти порождает в обществе деление на "привилегированные классы" и "низкие" и приведет к угнетению последних, положив "начало тем пагубным социальным вопросам, от которых мы счастливо отделивались до сих пор"²¹. Алем был противником коммунистических и социалистических идей, не видя для них почвы в Аргентине. Признавая приоритет политической организации в определении общественных связей, он полагал главной причиной нужды не классовое неравенство и эксплуатацию, а политическую тиранию государства, от которой страдают и против которой восстают. Отсюда его вывод, что чрезмерная централизация порождает революцию. Сам Алем в 1880 г. не являлся ее сторонником. Несогласный с решением легислатуры, одоблившей федерализацию Буэнос-Айреса, Алем сложил с себя полномочия депутата и почти на десять лет отошел от активной политической деятельности.

К исторической речи Алема в легислатуре Буэнос-Айреса восходят основные программные положения демократического движения, развернувшегося в Аргентине десять лет спустя с началом экономического кризиса: федеральная система правления; поддержка общественных свобод в рамках конституции; чистота морали во всех звеньях государственного аппарата; автономия провинций и муниципалитетов²².

Кризис 1890–1893 гг. – самый серьезный до 1929 г. – был долговым кризисом. Его причина – в стремлении олигархии удержать монополию на главное национальное богатство – землю – в условиях, когда старая производственная структура латифундий уходила в прошлое, а новая еще не сложилась. Кризис создал объективную возможность для перевода страны на буржуазно-демократический путь развития.

Насколько потребности общественного развития Аргентины нашли отражение в деятельности созданного в 1891 г. под руководством Алема ГРС?

Возникшая с началом кризиса оппозиция – Гражданский союз, а после его раскола ГРС – возложила вину за него на правящий режим. В ее понимании страна переживала глубокий экономический, социальный и политический кризис, причины которого лежали в отсутствии демократически избранного правительства.

Подрыв режимом представительной федеральной системы правления вызвал все остальные беды²³. Отсутствию политической демократии радикалы давали моральное объяснение: аморальность правителей и безразличие народа обернулись разрушительными для народа последствиями.

Наиболее развернутое объяснение политико-моральная природа кризиса получила в выступлениях Алама. Он видел корень зла в отрыве политики от морали. Лидер радикалов неустанно повторял, что не может быть "хороших финансов" и "хорошего экономического положения" без "хорошей политики", под которой он понимал нормальное функционирование конституционного строя. Подавление демократических свобод Алем связывал с отсутствием морали у правящих кругов. Установившийся в 1880 г. в стране режим "начал атаки на наши институты и политическую мораль". "Коррупция была везде и наихудшая шла из высших правительственных сфер и проникала во все общественные классы. Это гибельная коррупция, которая все расстроила и привела в беспорядок; которая увечит сердца, разрушает характеры и омертвляет ум; которая оставила людей без всякого понятия о справедливости, честности и законности; которая делает из личного интереса и материального удовольствия единственную цель в жизни, бросая народы, словно трупы к ногам деспотов"²⁴.

Коррупция привела к исчезновению политической жизни в стране, дала возможность, по выражению Алама, "выбросить народ из общественной жизни", превратив его в "торгашей"²⁵. Алем видел в моральной идее единственное средство возрождения общества и, прежде всего правящих кругов. Отсюда происходит требование радикалов "морали в администрации", которая наряду со "свободными выборами" и "устранением вмешательства властей в избирательный процесс" "будут настоящим спасением родины"²⁶.

Понятие "радикализм" имело концептуальное значение. Аргентинский радикализм с момента своего возникновения преследовал цель разрушить олигархический режим до основания. Называя себя радикалами, Алем и его единомышленники тем самым подчеркивали, что являются сторонниками коренных, т.е. радикальных, демократических преобразований. Вместе с тем с самого начала радикализм ратовал за возвращение к истокам, национальным корням.

Этим обусловлено появление в документах ГРС таких понятий как восстановление, возрождение. Последнее особенно часто присутствует в них и в значительной степени предшествует идее ис-

правления, ставшей позднее, во времена Иригойена, основополагающей в доктрине радикализма.

Возрождение, о котором говорил Алем, имело целью "восстановление гражданской жизни"²⁷. В то же время это больше, чем простой возврат утерянных конституционных институтов. Это глубокое возрождение, "новый дух, новая жизнь"²⁸, которые связываются с деятельностью новых поколений. В поисках подлинного, оригинального возрождение должно дойти до корней, потому что именно там может быть найдена твердая основа для перестройки страны. Последнее немыслимо без изменения самого человека, "его морального облика, обуздания им своих пороков и дурных привычек"²⁹. Таким образом, понятие наполнялось глубоким моральным содержанием.

К Алему восходит концепция обновления общественного порядка как некоего осуществления моральных заповедей, которая наиболее полное и законченное выражение получила во взглядах Иригойена – иригойенизме.

Свое видение общественного развития Аргентины радикалы изложили в декларации принципов ГРС, обнародованной в ноябре 1891 г. При написании декларации ее авторы во главе с Алемом вдохновлялись либерально-демократическим идеалом. С начала и до конца они уверенно чертят абрис буржуазно-демократического государства, свободного от всяких олигархических ограничений и открывающего широкое поле для капиталистического развития. Вся политика олигархического режима критикуется радикалами с точки зрения последовательного либерализма. В случае прихода к власти радикальная партия намеревалась осуществить целую серию преобразований социально-экономического и политического характера.

Провозглашая целью своей экономической политики полную свободу предпринимательской деятельности, радикалы видели главное зло в огромной власти государства, в "избытке правительства", которое распространило ее на экономическую деятельность, монополизировав посредством официальных банков кредитно-финансовую систему страны и поставив ее на службу узкой группе лиц, а не развитию производительных сил нации. Они выступали против олицетворяемого официальными банками паразитизма и призывали последовать примеру президента США Э.Джексона, который в 1836 г. лишил банк США в Филадельфии государственных привилегий, и сделать с аргентинскими официальными банками то же самое³⁰.

Свободная от олигархических пут собственность не могла прочно укорениться в стране, не охватив главную отрасль экономики – сельское хозяйство, а в последнем – не демократизировав сферу поземельных отношений. Поэтому перед ГРС не могла не встать проблема латифундизма. Если радикалы действительно хотели последовательно учредить "режим свободы" во всех областях общественной жизни, они обязаны были разрешить этот важнейший вопрос аргентинской социально-экономической жизни.

Радикалы являлись противниками концентрации земельной собственности. Но они никогда не выступали и за экспроприацию латифундий. Более того, утверждая себя поборниками провозглашенного в конституции принципа неприкосновенного права собственности, радикалы тем самым автоматически признавали за латифундистами неотъемлемое право собственности на принадлежавшую им землю. Значит ли это, что, оставаясь на почве конституции, они были бессильны изменить строй поземельных отношений? Последовательное применение всех конституционных положений позволяло им ответить на этот вопрос отрицательно.

Действительно, закрепленный в той же конституции принцип свободы предпринимательской деятельности требовал положить конец привилегиям одних лиц и учреждений в ущерб всем остальным. Ведь неприкосновенное право собственности конституцией признавалось не только за латифундистами, но и за всеми остальными гражданами, а также иностранцами. Именно его полное, без всяких изъятий и исключений, применение вело к ликвидации привилегий земельных магнатов. Поэтому в полном соответствии с конституцией и защитой права собственности не только должников, но и кредиторов, ГРС требовал от крупных земельных собственников вернуть долги или расплатиться принадлежащей им землей.

Последнее требование указывало на тот реальный путь, который в условиях кризиса вел к безболезненной ликвидации системы крупного землевладения, не нарушая при этом принципа неприкосновенного права собственности. Позицию радикалов в отношении латифундий нельзя рассматривать изолированно, в отрыве от других экономических требований ГРС: ликвидация официальных банков, прекращение бесконтрольной и необеспеченной валютными резервами кредитной эмиссии. При последовательном проведении в жизнь все эти меры лишали бы латифундистов мощной поддержки со стороны государства и предоставили их естественному ходу событий. Нетрудно представить себе, что в условиях острой-

шего кризиса это неминуемо вело к их разорению. Результат был бы тот же, что и при экспроприации – сильнейший удар по латифундиям, но проведенный на вполне законных основаниях: не трогая их формально, фактически ведя дело к их ликвидации.

Наиболее последовательна и ясна позиция ГРС в отношении государственного земельного фонда. Радикалы выступали против дальнейшего роста крупного землевладения в стране. Принципом аграрной политики должен был стать свободный доступ к земельной собственности максимального числа людей. С целью воспрепятствовать возникновению латифундий на бывших общественных землях радикалы предлагали передачу земли в частную собственность осуществлять небольшими участками, с условием ее заселения и обработки, а также запрещением передавать ее другому лицу под угрозой потери права собственности и вложенного капитала. Участие колонизационных компаний не исключалось, но им вменялось в обязанность разделить землю и передать ее в собственность колонистам. При этом любые контракты на аренду запрещались³¹.

Неизбежным результатом такой социально-экономической политики стало бы образование мелкой и средней собственности, беспрепятственное развитие независимого от латифундий фермерского сектора. Ориентация на американский путь аграрного развития получила в требованиях ГРС вполне законченное и последовательное выражение.

В основе политической программы лежали требования автономных провинций, свободных выборов и ликвидации засилья исполнительной власти. В декларации принципов они получили свое дальнейшее развитие и конкретизацию. Радикалы намеревались осуществить реформу законодательства с целью ограничить чрезмерную, по их мнению, президентскую власть; обставить выборы специальными гарантиями, предупреждающими случаи обмана и подтасовок; регламентировать право федеральных властей на интервенцию в провинции³².

В своих конкретных предложениях ГРС старался не выходить из конституционных рамок, твердо оставаться на почве действующей конституции. Вместе с тем радикалы признавали несовершенство последней в части, касающейся полномочий президента. Главную угрозу политической свободе они видели в "абсолютном преобладании главы государства над парламентом, судебской корпорацией и общественным мнением"³³. Отсутствие законов, регламентирующих конституционные полномочия исполнительной вла-

сти позволило президенту и губернаторам провинций сосредоточить в своих руках огромную власть и постепенно отменить политические права граждан, установить свой контроль над законодательными органами и судебной властью³⁴.

Выход из создавшегося "глубокого нездоровья, которое испытывает республика", ГРС предлагал на пути "серьезных законодательных реформ и, прежде всего, – "ограничить до разумных пределов полномочия исполнительной власти"; "гарантировать общественному мнению и парламенту их законное влияние на действия правительства"; "сочетать независимость судей с их ответственностью"³⁵. Фактически радикалы выступали за реформу конституции на принципах строгого соблюдения разделения властей и создания эффективной системы сдержек и противовесов сильной президентской власти.

Исходя из федеративного принципа, ГРС предложил обеспечить автономию провинций, отрегулировав отношения между центральными и провинциальными органами. Препяду для превращения провинций в самоуправляющиеся составные части федеративного государства радикалы справедливо усматривали в неограниченном праве исполнительной власти в лице президента вмешиваться в управление провинциями. Поскольку одновременно президент являлся верховным главнокомандующим и по своему усмотрению мог размещать вооруженные силы в любом уголке страны, будь то федеральная столица, провинции или национальные территории, его конституционное право на интервенцию получало мощное материальное подкрепление, превращая автономию провинций в фикцию.

Однако радикалы не собирались вовсе лишать президента права размещать войска, что "вступило бы в противоречие с конституционными установлениями"³⁶. Они выступали лишь против такого их размещения, которое ущемляло автономию провинций, "оказывая давление на местные власти", давая возможность "национальному правительству ограничивать избирательные права граждан"³⁷. "Размещение армии в провинциях, – подчеркивалось в декларации, – представляет собой постоянное и тайное вмешательство в их дела и это мы видим в повторяющихся случаях использования армии, как для свержения губернаторов, так и удержания их у власти"³⁸. Поэтому ГРС предлагал регламентировать президентские полномочия в этом вопросе специальным законом, "который покончил бы с подобным произволом, приведя в соответствие с подлинным духом Конституции размещение федеральных войск

на территории провинций в мирное время, чтобы наша армия заботилась о безопасности наших границ и выполняла лишь национальные функции, внутренне присущие ее обязанностям"³⁹.

Поскольку выборные органы должны были воплощать в себе авторитетную и сильную власть на соответствующем уровне, освященную голосами всех граждан и несущую в самой себе гарантию социального порядка, авторы декларации уделили самое пристальное внимание обеспечению избирательной свободы. Констатируя, что "в этом пункте злоупотребления властей достигли высшей степени; граждан штрафуют, преследуют, арестовывают и даже охотятся за ними словно за дикими зверями лишь бы они не голосовали... что сегодня, в конце XIX в. на высшей ступени мировой цивилизации, людей убивают лишь за то, что они говорят: "Я аргентинский гражданин!", ГРС призывал "навсегда покончить с этим позором"⁴⁰.

Для обеспечения прав граждан при составлении списков, организации избирательных собраний, голосовании и подсчете голосов радикалы предлагали провести реформу избирательного закона на основе постоянного списка избирателей и дать представительство меньшинству. Они также признавали необходимым внести в избирательный закон специальный пункт об ответственности всякого чиновника, который попытался бы насилием, подкупом или мошенничеством нарушить свободный выбор народных представителей. В этом случае виновным грозила бы тюрьма и временное лишение политических прав⁴¹.

Руководство ГРС прекрасно понимало, что никакая юридическая защищенность граждан сама по себе не могла обеспечить им "использования общественных свобод и защиту своих прав, когда те ущемляются", пока "огромные массы наших соотечественников лишены необходимой подготовки для того, чтобы надлежащим образом исполнять их"⁴². Поэтому радикалы намеревались начать "гражданское воспитание и военное обучение народа, дав ему, таким образом, понимание своих прав и готовя его к защите родины и ее институтов"⁴³. Таким образом, наряду с социально-экономическими и политическими требованиями, радикалы намеревались реформировать самого человека, внеся в его сознание либерально-демократические ценности и воспитав из человека толпы сознательного гражданина.

Анализ декларации позволяет сделать вывод, что радикалы ставили перед собой задачу провести такие преобразования, которые в конкретно-исторических условиях Аргентины начала 1890-х го-

дов не укладывались в рамки обычных реформ, а были направлены на изменение общественной структуры. Это была последовательно антиолигархическая программа и в случае ее успешного осуществления позволяла перевести Аргентину на буржуазно-демократический путь развития.

В программном документе ГРС не нашли отражения новые социально-экономические реалии страны: экспансия иностранного капитала и борьба рабочего класса за свои права.

Выступая принципиальными противниками регламентации предпринимательской деятельности, радикалы фактически распространяли этот принцип и на действовавшие в стране иностранные компании. Вместе с тем их критика привилегий в экономической области могла быть истолкована и как направленная также против иностранного капитала. Лишь в одном вопросе – иностранном вмешательстве во внутренние дела Аргентины – они заняли ясную и определенную позицию, заявив, что в любом случае это вмешательство, а речь шла о "создании международных комитетов по вмешательству в ее финансы, как это было сделано с Турцией и Египтом", "с негодованием отвергнет Республика и Америка"⁴⁴.

Несмотря на начавшуюся забастовочную борьбу трудящихся, Алем не понимал закономерного характера появления рабочего движения в Аргентине, считая забастовки делом рук иммигрантов. "А, это дела гринго", – так реагировал Алем на выступления рабочих. Он по-прежнему верил в возможность ликвидации почвы для возникновения классовых конфликтов, если в стране установятся демократические порядки. Поэтому он не видел необходимости в законодательной борьбе с крайностями социально-классового неравенства, хотя в 1890 г. рабочие представили в национальный конгресс петицию со своими требованиями. В отличие от иммигрантов-колонистов радикалы не пытались установить контакты с рабочими организациями. ГРС не искал союзников слева. Его руководство во главе с Алемом намеревалось осуществить свою программу в блоке с оппозиционными кругами олигархии.

В представлении радикалов политическая демократия должна была сопровождаться не улучшением положения народных масс, а устранением всех олигархических пут, стесняющих свободное развитие страны. Выступая с требованиями политических прав и свобод, Алем не развивал радикальную программу их материальных гарантий, не искал эти гарантии в тех или иных ограничениях собственности. Такая позиция лидера радикалов прямо вытекала из его индивидуалистических воззрений, которые он распространял

на общественные отношения. "Я индивидуалист во всем, я считаю, что народы так же, как индивиды, должны быть творцами своей судьбы. Я считаю, что люди, которые развиваются с посторонней помощью, являются неэффективными, ненужными и даже вредными для общества"⁴⁵.

С началом кризиса серьезное изменение в мировоззрении Алем и его сторонников претерпело отношение к революции, к насильственному изменению господствующих политических порядков. В 1880 г. Алем считал, что время революций прошло, что эту "фальшивую монету" народ больше не примет. В 1890 г. положение кардинально изменилось. Глубокий кризис сотрясал страну, а узкокорыстная политика "уникато" поставила ее на грань национальной катастрофы. В этих условиях Алем и дель Валье, поддерживаемые молодежью, стали застрельщиками революции. В обстановке общенационального неприятия правящего режима обращение к революции не воспринималось более как призыв к путчу, недостойному цивилизованных стран, а рассматривалось как законное право народа на защиту своих интересов, как законное средство борьбы с тиранией президентской власти.

Выдвижение доктрины о праве народа на революцию и ниспровержения существующего политического режима не противоречило общим либеральным воззрениям деятелей демократического движения – их идее свободной индивидуальности, отрицание политики насилия и общей склонности к мирной парламентской борьбе. Наоборот, по их мнению, именно препятствия на пути реализации этих идей ведут к взрыву, который происходит для их устранения и торжества политической демократии. Юристы по образованию и демократы по убеждению, они рассматривали революцию как законное, справедливое и оправданное средство защиты народа, когда у того не остается иного пути спасения. Именно в таком положении оказался аргентинский народ, лишенный своими правителями политических прав, записанных в конституции. Отсутствие на практике конституционной системы организации государственной власти делало революцию не только оправданной, но и законной, возводило ее в нравственный долг гражданина, который имеет право сопротивления тирании, аналогичное праву военной обороны.

Обосновывая право народа на революцию, Алем говорил: "Я понимаю, что революция не внесена ни в какой кодекс, ни в какую конституцию. Ее там нет, не может быть, она не должна там быть, потому что право угнетенного народа избавиться от своих угнета-

телей есть право, предшествующее всякой конституции, всякому закону. Оно является естественным правом. Это то же самое право, которое имеет гражданин, на чью жизнь вероломно посягнули; то же самое право, которое имеют народы, на чье политическое существование вероломно посягнули. Все же, несмотря на это, в преамбулу конституции США и в конституции отдельных штатов внесено законное право народа на восстание против своих угнетателей"⁴⁶.

Высказавшись за насильственный переворот, демократические деятели не сводили его к военному путчу, которыми была так богата аргентинская история в первые семьдесят лет независимости. Выступая на политической сцене Аргентины наследниками и продолжателями Майской революции 1810 г., Алем и его товарищи всю свою сознательную жизнь боролись против таких "революций", за установление в стране демократического режима. Поэтому они были против военных восстаний, не связанных с демократическим движением и не подготовленных им. Они считали, что вооруженной борьбе должно предшествовать создание сильного политического движения на основе и под руководством которого только и возможно восстание, в котором должны принять участие и демократически настроенные офицеры армии и флота.

По существу речь шла о военно-гражданском движении, которое не преследовало социальных целей, а ограничивалось осуществлением в полном объеме конституционного строя. Алем был далек от того, чтобы вкладывать в революцию радикальное содержание. "Мы, те, кто борется с системой, по сути не являемся революционерами. Мы – консерваторы, а о нашей революции можно сказать то же, что сказал Маколей об английской революции, сравнивая ее с французской.

Французская революция потрясла все общество и принесла глубокие изменения в политический, социальный и экономический порядок. Английская революция не сделала ничего другого, как только защитила от узурпации, деспотизма короны, т.е. она искала восстановления свобод и институтов"⁴⁷.

Радикалы сводили революцию к политическому перевороту. Они никогда не выступали против олигархии как класса, а только – против узурпации власти немногими из ее среды. Для них была свойственна подмена социальных характеристик чисто политическими при описании сил, сталкивавшихся в развернувшейся в Аргентине борьбе. Она рисовалась им как столкновение между единым народом и противостоящей ему олигархией. Радикалы счита-

ли, что все преобразования, в которых нуждается нация, будут неизбежным следствием политических перемен, и надеялись обрести в политике точку опоры для разрешения социально-экономических проблем.

Не случайно поэтому революционность Алема и его сторонников имела определенные границы – она предполагала неразрывный союз с той либерально-помещичьей группой, которая составляла умеренное крыло Гражданского союза.

Последующий раскол Гражданского союза и образование ГРС прошли не по социально-классовому признаку, а были обусловлены разногласиями в отношении возможных путей установления в Аргентине политической демократии. Умеренному крылу Гражданского союза во главе с Б.Митре дальнейший процесс демократических преобразований виделся на пути соглашения с правящим режимом. В этом заключалось его коренное расхождение с радикалами во главе с Алемом, которые не соглашались действовать изнутри олигархических органов власти, а требовали их полного и безоговорочного устранения как главного обязательного условия демократизации политической системы страны.

Неудача в вооруженной борьбе имела далеко идущие последствия для дальнейшей деятельности ГРС, который после поражения восстаний 1893 г. вступил в полосу кризиса. Какую политическую линию должны выработать радикалы в изменившихся условиях, когда начавшееся хозяйственное оживление способствовало стабилизации политического положения в стране и сохранению олигархического режима? Ясного и определенного ответа у Алема не было. Видимо, в эту пору начался его душевный кризис, который в 1896 г. привел лидера ГРС к самоубийству.

Иригойенизм

Смерть Алема обострила наметившиеся ранее противоречия внутри радикальной партии. ГРС оказался перед выбором: превратиться в оппозиционную партию в рамках существующей политической системы или остаться на принципах непримиримости к олигархическому режиму, продолжить революционную борьбу с ним. Первый путь вел к утрате радикалами собственного политического лица, превращал партию в одну из проолигархических группировок наподобие митристов. Второй – означал годы борьбы с весьма неясными перспективами.

Руководство ГРС, которое после самоубийства Алема возглавил Бернардино де Иригойен, выбрало первый путь. В преддверии

президентских выборов 1898 г., когда стало известно, что ПАН (Национально-автономная партия) выдвинет своим кандидатом генерала Рока, митристы, объединенные в Гражданский национальный союз, выступили за союз с радикалами. С этой целью Митре предложил ГРС так называемую политику "параллелей": совместные действия и общие кандидаты на выборах. На национальном конвенте ГРС в начале сентября 1897 г. большинство делегатов высказалось в поддержку этой политики, несмотря на решительную оппозицию Иполито Иригойена – главы ГРС провинции Буэнос-Айрес.

К этому времени за плечами И.Иригойена (1852–1933), племянника Алема, сына его сестры, был уже большой опыт политической борьбы. Как и Алем, его отличала непримиримость к олигархическому режиму, непреклонная решимость бороться за установление в стране демократии. И.Иригойен понимал, что борьба с режимом будет долгой и тяжелой, что на новом этапе необходимы иные формы и методы борьбы, отличные от присущих обычной политической партии. Дальнейшее развитие ГРС он связывал с превращением его в общенациональное движение, радикально антиолигархическое. Поэтому политику "параллелей" И.Иригойен расценил как смертный приговор радикализму – освободительному движению, делу всей жизни Алема и его собственной.

В конце сентября 1897 г. на своем заседании комитет ГРС провинции Буэнос-Айрес отверг одобренную национальным руководством партии политику "параллелей". В опубликованном манифесте справедливо подчеркивалось, что при отсутствии свободного голосования участие в выборах означало бы одобрение избирательной практики, "которая противоречит нашим институтам и санкционирует победу того самого противника, с которым мы собираемся бороться". "Радикальная партия тем самым изменит своим убеждениям, вызовет раскол в собственных рядах, навсегда дискредитирует себя перед лицом общественного мнения, которое потеряет веру в него"⁴⁸.

Этим манифестом И.Иригойен не надеялся переубедить руководство партии. Для борьбы с политикой "параллелей" он избрал другой, радикальный путь. Провинциальный комитет объявил о роспуске ГРС Буэнос-Айреса. Действия И.Иригойена не привели, однако, к расколу ГРС. С прекращением деятельности крупнейшей организации и в условиях слабости ГРС в других провинциях радикальная партия просто исчезла с политической сцены, а ее верхушка во главе с Б. де Иригойеном интегрировалась в режим. Тем

самым был расчищен путь для воссоздания ГРС на принципах непримиримости к олигархическому режиму.

С исчезновением партии радикализм как идейное течение продолжал жить. Произошла его очистка от попутчиков, от всех тех, кто свое пребывание в рядах ГРС связывал с возможностью получить доступ к власти. С И.Иригойеном остались те, кто верил, что с ликвидацией политической несправедливости, с восстановлением народного суверенитета в стране все изменится к лучшему. На место ушедших пришло много новых людей, в основном молодежи. К концу 1903 г. воссоздание или, как это официально называлось, реорганизация ГРС в основном завершилась и в феврале 1904 г. было образовано руководство – Национальный комитет во главе с П.Молина. И.Иригойен стал почетным президентом ГРС.

Обновленный ГРС подтвердил свою непримиримость к режиму, отказавшись участвовать в выборах 1904 г. и провозгласил "твердое намерение быть настойчивым в борьбе вплоть до радикального изменения этого ненормального и поддерживаемого силой положения, используя средства, которые ему подсказывает патриотизм"⁴⁹. Тем самым радикалы дали понять, что взяли курс на вооруженное свержение олигархического режима. Это соответствовало намерениям Иригойена: воссоздать партийную организацию и готовить революционное выступление.

Организованное Иригойеном восстание произошло 4 февраля 1905 г. Как и предыдущие выступления радикалов, оно носило военно-гражданский характер: в нем приняли участие воинские части и вооруженные группы сторонников ГРС. Выступление началось одновременно в столице, Баия-Бланке, Росарио, Кордове, Мендосе, Тукумане. "Принципы и знамя движения, – говорилось в манифесте ГРС, – те же, что и в 1890 и 1893 гг."⁵⁰. Учитывая печальный опыт июльского восстания 1890 г., когда разнородный состав движения обрек его на поражение, Иригойен отказался от помощи, предложенной оппозиционными генералами Рока деятелями. Р.Саенс Пенья и М.Угарте. В то же время Иригойен не привлек к выступлению и широкие слои населения, хотя к этому времени Буэнос-Айрес и Росарио превратились в арену забастовочной борьбы. В нем приняли участие лишь сторонники радикалов. Как и в 1890 г. движение не вышло за рамки военно-политического заговора и проведения выступления в форме путча. Все это роковым образом сказалось на судьбе восстания.

Власти, заранее уведомленные о начале выступления, приняли энергичные меры. Верные правительству войска заняли столичный

военный арсенал и под угрозой немедленного расстрела на месте вынудили восставших офицеров сдаться. После поражения в столице радикалы, несмотря на победу в ряде провинций, сложили оружие. Иригойен не желал, чтобы борьба с режимом переросла в гражданскую войну. Официально причинами неудачи восстания руководство ГРС назвало "донос и вероломство"⁵¹.

Несмотря на поражение восстание имело широкий общественный резонанс. Страна узнала, что тысячи людей как гражданских, так и военных готовы жертвовать жизнью во имя своих убеждений. Имя Иригойена приобрело известность за пределами Аргентины⁵². И хотя большая пресса называла повстанцев "сумасшедшими", правящие круги были обеспокоены. Особенно их встревожила широкая поддержка, оказанная радикалам в армии, со стороны молодых офицеров. Все понимали, что февральские события могут повториться и с большим успехом. Репрессии быстро сменились амнистией, которая стала результатом широкого общественного движения. Военное поражение обернулось моральной победой радикалов.

После 1906 г. стали быстро расти ряды ГРС. Сеть партийных комитетов покрыла страну. Этому способствовало организационное устройство ГРС, который строился по федеративному принципу: каждая провинция и столица имели свои организации с собственной программой и уставом, которые согласовывались с основным уставом и программой ГРС. В соответствии с уставом высшим органом партии являлся съезд – национальный конвент, а в промежутках между съездами – Национальный комитет, состоящий из 60 человек; по 4 от каждой провинции и федеральной столицы⁵³. Если состав национального и провинциальных комитетов формировался на основе кооптации, то в местных комитетах существовали проводившиеся ежегодно прямые выборы, на которых избирались президент и многочисленные функционеры.

Такое построение ГРС преследовало цель охватить организацией все слои аргентинского общества на всей территории страны. В преамбуле устава ГРС было записано, что он является "постоянной политической организацией, не носящей персоналистского характера, в ряды которой могут вступать все граждане, которые разделяют ее программу провозглашающую борьбу за соблюдение конституции, за всеобщий прогресс страны, за честную администрацию, за осуществление эффективного народного суверенитета и признание широкой автономии провинций и муниципалитетов"⁵⁴.

Это позволяло радикалам объединить в своих рядах представителей практически всех общественных классов и социальных групп, людей с различным мировоззрением: от крупных землевладельцев до пеонов, от предпринимателей и лиц свободных профессий до рабочих, от католиков до атеистов, но только аргентинских граждан. Радикалы не вели работу среди иммигрантов и в отличие от социалистов не призывали к массовой натурализации вновь прибывших. Таким образом, значительные отряды трудящихся и все профсоюзы оказывались вне влияния ГРС. Все его усилия сосредотачивались на новом поколении – детях иммигрантов. Как правило, местные комитеты состояли из представителей средних слоев и их руководителями становились обычно врачи или юристы, что позволяло им поддерживать контакты с представителями самых различных социальных слоев. В руководстве ГРС преобладали представители оппозиционных групп олигархии. Они возглавляли национальный и провинциальные комитеты.

Разнородный социальный состав ГРС очень быстро породил столкновение интересов и политических позиций различных групп внутри него. В сентябре 1909 г. партию покинула группа руководящих деятелей во главе с Л.Мело. В манифесте "диссидентов", который кроме Мело подписали полтора десятка руководителей ГРС столицы и ряда провинций, выражалось несогласие с проводимой Иригойеном политикой. Они критиковали абсентеизм партии, протестовали против отсутствия у ГРС конкретной программы. "Молчание и бездействие не являются программой для нас", и обвиняли руководство в том, что "оно живет в прошлом, забывая обязанности настоящего"⁵⁵.

Большой общественный резонанс, чем манифест "диссидентов", вызвала отставка П.Молины с поста председателя нацкома ГРС в июле 1909 г. Он был одним из виднейших деятелей радикализма с первых дней его существования. Молина полностью солидаризировался с манифестом "диссидентов", заявив, что отвергает политику абсентеизма и революции радикализма, которая уже не является ни законной ни возможной, что отказ от объединения всех оппозиционных сил отнимает у радикалов всякую надежду на победу. Лично Иригойену вменялось в вину единоличное руководство, нарушение внутрипартийной демократии, выразившееся в несоблюдении уставных сроков созыва партийных съездов, заговорщическая тактика и отсутствие публичной политики⁵⁶.

Конфликт 1909 г. стал продолжением спора, разгоревшегося сразу же после смерти Алема в 1897 г. и подспудно тлевшего все

последующие годы. Что представляет собой ГРС: партию или движение? В свою очередь он был неразрывно связан с пониманием сущности олигархического режима и причин его породивших. Еще в 1897 г. Лисандро де ла Торре, бывший одним из ближайших соратников Алама, покинул ряды ГРС из-за несогласия с политической непримиримости к режиму, которую предложил Иригойен. Он же впервые обвинил Иригойена в персонализме. Обвинение – с тех пор постоянно повторявшееся всеми политическими противниками лидера радикалов.

Лисандро де ла Торре, а впоследствии П.Молина, Л.Мело и другие "диссиденты" не принимали идею ГРС как общенационального движения. Для них он оставался партией – важной составной частью политической системы страны. Трактовка ГРС как "системной" оппозиции вела к принятию идеи союза с другими политическими силами – как правило, проолигархическими, например, митристами. Не случайно поэтому все они отвергали политику непримиримости к режиму, сводили саму идею Иригойена к тактике заговора, ведущей к изоляции радикализма и закрывающей ему путь к власти, который они видели в мирной, парламентской борьбе⁵⁷. В их глазах такой путь был тем более оправдан, что сам режим они ассоциировали с антидемократической политикой отдельных президентов, прежде всего генерала Рока. Им был чужд и непонятен смысл, вкладываемый Иригойеном в это понятие. Не случайно Лисандро де ла Торре в своем памфлете против Иригойена берет слово "режим" в кавычки⁵⁸.

Разногласия не привели к кризису ГРС и остались бы эпизодом внутрипартийной борьбы, если бы не реакция Иригойена, который единственный раз в своей жизни вступил в публичную полемику. Авторитет Молины, видимая сила его аргументов вынудили лидера радикалов сделать это, чтобы избежать дезориентации своих единомышленников. Полемика Иригойен–Молина длилась с сентября 1909 г. по январь 1910 г. и содержит шесть писем: по три с каждой стороны, которые сразу же публиковались в периодической печати. Эти письма, а также написанная впоследствии Иригойеном книга "Моя жизнь и моя доктрина" стали важнейшей вехой в развитии радикализма как концепции жизни и предназначения нации, получившая по имени своего создателя название иригойенизма.

Иригойенизм – система социально-политических и философско-этических принципов – стал доктриной, идейно-теоретической базой деятельности ГРС, ответом радикалов на стоящие перед ар-

гентинским обществом проблемы. На формирование мировоззрения Иригойена большое влияние оказали идеи немецкого философа-идеалиста К.Ф.Ф.Краузе (1781–1832), сделавшего моральные принципы лейтмотивом своей философии⁵⁹. Иригойен завершил начатую Алемом разработку доктрины радикализма.

Главная проблема состояла в том, чтобы либеральную демократию, за которую боролись радикалы, адаптировать к конкретно-историческим условиям Аргентины. Важный шаг в этом направлении сделал Алем, обосновавший принцип федерализма как институционную форму демократии, учитывавшую историко-культурное своеобразие Аргентины.

Алем также сформулировал положение о связи морали с политикой, что означало нравственную санкцию конституционного строя и отвечало насущной потребности выработать либерально-демократический тип политической культуры, без которой система представительных институтов оставалась бы мертвой буквой. Будущее страны основатель радикализма связывал с моральным возрождением и прекращением "фальсификации институтов", т.е. с соблюдением конституции. Алем намеревался добиваться национального возрождения политическими методами, насильственными – революция, или мирными – участие в выборах. Для него ГРС оставался прежде всего политической партией и он практически не использовал заложенный в нем потенциал общедемократического движения.

Особенности исторического развития Аргентины, в которой система представительных институтов появилась раньше, чем сложилась соответствующая ей политическая культура, обусловили двойственный характер ГРС. С самого начала перед ним стояли две неразрывно связанные задачи: бороться с правящим режимом на выборах, выдвигая конкретную избирательную платформу, т.е. действовать как политическая партия в собственном смысле этого слова; и выступать как широкое общественно-политическое движение, главной задачей которого являлось внесение демократического сознания в народную массу. В последнем случае речь шла о программе союза вокруг вопросов внепартийных, предвещающих собственно политическую борьбу в рамках конституционного строя: народный суверенитет, моральная ответственность в исполнении государственных функций, строгое выполнение национальной конституции.

Пока продолжался кризис 1890–1893 гг. и для ГРС сохранялся шанс прийти к власти, такое различие оставалось несуществен-

ным. Оно вышло на первый план со стабилизацией олигархического режима и не могло не вызвать острых разногласий, принявших доктринальный характер. Как уже говорилось выше, в центре дискуссии стоял вопрос о характере ГРС: партия или движение. Иригойен сделал решительный выбор в пользу общенационального движения. Он постоянно отказывался от выработки конкретной программы, ограничиваясь требованием соблюдения национальной конституции. Но за самим спором просматривалось различие во взглядах на перспективы утверждения либеральной демократии в Аргентине. Для оппонентов Иригойена это было вопросом текущей политики и зависело от того, будет ли ГРС последовательно либеральной партией.

С этих позиций Молина и критиковал Иригойена: "Единственным якорем спасения в крушении институтов и людей, которое терпит в настоящее время Республика, как я уже утверждал много раз, является либерализм, лояльно и искренне проводимый"⁶⁰. Его настораживал разношерстный состав ГРС, отсутствие определенной программы, молчание руководства по вопросам внутренней и внешней политики. "Мы индивидуалисты и социалисты, федералисты и унитарии, либералы и консерваторы, верующие и атеисты. Что связывает нас? В настоящее время ничего, кроме ненависти к правящей камарилье. Что мы будем делать, если завтра придем к власти?"⁶¹ "У радикальной партии нет направления. Никто из ее членов и руководителей не может с точностью сказать, куда она идет"⁶².

Молина решительно выступал против революционных методов борьбы, утверждая, что они неэффективны, более того, контрпродуктивны при лечении моральных болезней общества. "И политическая коррупция, которая уже давно перестала быть случайной, превратившись во всеобщую постоянную болезнь, сразу же заразит сам режим и вместе с революцией поселится в правительстве"⁶³.

Молина ратовал за активное участие ГРС в "улучшении демократических институтов", не дожидаясь свободных выборов. "Вы мне скажете, – писал он Иригойену, – что избирательные участки закрыты для нас. Да, это правда. Но партия принципов, чьей единственной целью, по-вашему, является восстановление свободы выборов во всей Республике, не должна ограничивать свою деятельность ожиданием, что ей позволят голосовать... Такая партия принципов должна быть на выборах не в качестве действующего лица, а как инспектор и защитник избирательной свободы, пресле-

дую все нарушения, очищая регистры от фальшивых записей, спасая от политической проституции, которую осуществляют представители власти, ведущие наподобие животных на бойню, тысячи граждан на выборы заставляя их быть оружием своих планов"⁶⁴.

Особую неприязнь у Молины вызывало единоличное руководство Иригойена, который установил в ГРС режим "уникато", где "устав имеет такую же власть над его действиями как национальная конституция над действиями доктора Фигероа Алькорты"⁶⁵. Политика Иригойена превратила ГРС из демократической партии в группировку каудильистского типа⁶⁶. Для него лозунг Иригойена "институционального исправления" был лишь "фразой, служащей для введения в заблуждение дураков и простофиль"⁶⁷. Выход Молина видел в демократизации ГРС и разработке партийной программы в либеральном духе.

В отличие от Молины Иригойен считал, что аргентинское общество находится еще далеко от рубежа, с которого ГРС мог действовать как политическая партия. У Молины круг причин отсутствия демократического режима не выходил за рамки правительственной политики и они могли быть устранены политической партией. У Иригойена он шире, и сами причины глубже. Главное зло Иригойен видел в повреждении общественной морали. С этих позиций он подходил к характеристике положения в стране. "Всё подвержено взятке... всякое чувство уважения, блага и справедливости опошлено"⁶⁸. "Коррупция продолжает наступать и все рушится". "Это процесс, который несет в себе источник всего разврата и растрепанности"⁶⁹.

Из анализа положения в стране Иригойен выводил задачи, которые имели общенациональный характер и касались каждого аргентинца. "В этом положении не может быть другого чувства и устремления как спасение Республики"⁷⁰. На этом основании Иригойен обосновывал законное право на существование ГРС как общенационального движения. Задача спасения родины от моральной деградации могла и должна была объединить всех граждан. "Здесь вы имеете программу ГРС, и она должна быть программой каждого гражданина, у кого есть кровь в жилах, патриотизм в груди и чувство собственного достоинства в лице"⁷¹. Поэтому в рядах ГРС не только могли, но и должны были объединиться граждане различных идейно-политических взглядов. "Это движение собрано для общих и совместных целей... в его рядах не только совместимы все убеждения... но они придают ему его истинное значение"⁷².

Здесь же Иригойен сформулировал важнейшее положение доктрины радикализма. "Врагами [ГРС – В.К.] являются не только правители, но также всякое коллективное и индивидуальное опошление и осквернение, которые хотели бы видеть отречение и капитуляцию [ГРС – В.К.], чтобы... без всяких препятствий броситься пользоваться всеми благами... при общей терпимости"⁷³. Единственный путь освобождения страны – это "вырвать ее из когтей злоумышленников и предателей. Все остальное, – заключает Иригойен, – все остальное это ложь"⁷⁴.

Для Иригойена радикализм прежде всего этика, а затем уже идеология. Причины всех бед – моральный и политический кризис, за которым неизбежен экономический. Борьба против коррупции, аморальности и разложения – это гарантия для осуществления демократии. Мораль и демократия неразрывны. Нельзя бороться с коррупцией, являющейся сутью режима, без народного участия. Но также невозможно сохранить его, не придерживаясь политики принципов, этики, которая обеспечивает сохранность демократии. В противном случае, для чего участие народа, выборы, если затем избранные народом правители позволят себя коррумпировать?

В представлении Иригойена этика – это прежде всего этика демократии. Отрицательное отношение к режиму имело у Иригойена и его последователей глубокое этическое обоснование, т.к. он коррумпировал и разлагал, развивая такие дурные качества человека как "неприязнь", "нечестность", "вероломство", "дезертирство", "измена", "которые являются проявлением господствующего упадка и деградации"⁷⁵. Для пояснения своей мысли Иригойен использовал такое понятие как "конституционный характер", под которым он понимал осознание гражданами своего участия в выборах как морального долга. "Самое главное, – подчеркивал Иригойен, – это вновь вернуть конституционный характер, фундамент законности всех властей, который до такой степени извращен, что правителями становятся не иначе как за свой счет и к собственной выгоде"⁷⁶. Именно в моральной области Иригойен радикален. Здесь он искал корень всех бед. "Дело не в том, чтобы исправить следствия, а в том, чтобы вырвать с корнем причины, чтобы не возникали следствия"⁷⁷.

С этих позиций Иригойен подходил к участию ГРС в политической жизни страны. Для него "без утверждения морали в жизни было бы контрпродуктивно вдохнуть жизнь (в общество – В.К.)"⁷⁸. Иригойен резко отрицательно относился к так называемым политическим партиям, которые были орудием доступа к власти раз-

личных клик, не имевших ничего общего с подлинными интересами страны. Вместо партий он видел: "Скопление правительств, групп и людей, которые под названием "соглашения", "параллели", "провинциальные союзы", "республиканцы", "объединенные партии", "либералы", "консерваторы", "автономисты", "национальный союз" и столько же еще, объединяются и разъединяются, чтобы скрыть свои преступления и чтобы восторжествовали их утилитарные мотивы, изменяясь со временем в соответствии с возможностями обладания или участия в правительстве"⁷⁹.

В отличие от них "наша миссия, – подчеркивал Иригойен, – состоит не в занятии правительства, а в кардинальном исправлении происхождения и системы этого правительства, как единственного средства восстановить мораль, институты Республики и всеобщее благо"⁸⁰. Поэтому участие ГРС в партийной борьбе низвело бы его до положения одной из таких "партий", морально дискредитировало радикалов. "Наиболее тяжелой и фатальной ошибкой для республики было бы, если он [ГРС – В.К.] дал втянуть себя в партийную политику"⁸¹.

Аналогичную позицию занимал Иригойен и в отношении партийных программ, которые не будучи основаны на основополагающих принципах национального возрождения, представляли собой список обещаний, порой просто интеллектуальные упражнения их авторов для оправдания собственного существования. Для Иригойена не подлежало сомнению, что пока не выполнена программа морального исправления, не восстановлен механизм свободного голосования, до тех пор все, что претендует быть правительственной программой, даже если их авторы этого и не хотели, было бы "во зло Республике", "вариантом того же самого позора"⁸². Это было бы то же самое как стремиться к функционированию институтов, которые не созданы и исполнению конституции, которая не принята"⁸³. Таков был ответ Иригойена Молине и всем тем, кто хотел видеть ГРС обычной либеральной партией.

Радикализм не стоял на месте, он развивался, пытался дать ответы на стоящие перед страной ответы. А значит, он не мог не меняться, не мог не отказываться от некоторых своих первоначальных идей и идеалов. Это хорошо видно на примере сравнения идей Алама и Иригойена.

Как и у Алама, радикализм Иригойена коренился в моральном мышлении, но Иригойен возглавил ГРС в изменившихся исторических условиях. С начала XX в. в Аргентине выросла классовая борьба трудящихся, которую уже нельзя было списать на происки

иностранных агитаторов. Появились и действовали социалистическая партия и движение анархистов. Уже в первом манифесте воссозданного ГРС в 1904 г. в вину правящему режиму, помимо всего прочего, ставилось игнорирование требований рабочих, на которые власти не находили иного ответа кроме насилия"⁸⁴. Если Алем игнорировал рабочий вопрос, считая, что его можно избежать, как и вообще классовую борьбу, путем демократизации политического строя и видел в борьбе партий двигатель общественного прогресса, то Иригойен, провозглашая общенациональный характер ГРС, уже имел в виду новые социальные силы и искал пути привлечения их к ГРС. Поэтому он решительно отказался от партийной составляющей доктрины ГРС и выбросил всякое упоминание о конкретной программе, по которой можно было бы судить о ГРС как либерально-демократической партии, подчеркивая, что корень всех бед в моральной деградации, которая захватила все общественные классы и может быть исправлена усилиями всей нации, всех граждан независимо от их социального положения и мировоззрения.

Таким образом, за всеми спорами о характере ГРС – партия или движение – стояли вопросы отношения к новым социальным силам. Стратегия Иригойена вела к расширению социальной базы радикализма. Оставление ГРС на позициях либерально-демократической партии – к ее сужению, объективно превращало ГРС в придаток олигархического режима.

У Алема в качестве причин отсутствия демократии фальсификация институтов и моральная деградация имели одинаковое значение. И это не случайно, т.к. для основателя радикализма антиморальные силы концентрировались в режиме. У Иригойена они были во всех общественных слоях, что питало и воспроизводило режим даже при наличии свободных выборов. Поэтому Иригойен выделял моральную деградацию в качестве главной причины, которая обусловила фальсификацию государственных институтов и беды в других областях общественной жизни. Вычленив, по его мнению, главную и универсальную причину, сформулировав положение о радикализме как этике, Иригойен открыл ряды ГРС для всех граждан, т.к. моральное исправление нации соответствовало интересам всех.

Переход от олигархического к демократическому режиму подразумевал не только изменения в обществе, но и в самом человеке. Моральное исправление предполагало внутреннюю реформу и всестороннее формирование личности, которая добровольно исполняла бы моральный закон и понимала свои общественные обя-

занности. Не могли быть прочными общественные изменения, какими бы полными они не были, без проникновения в сознание человека. Поэтому реформа индивида являлась необходимым условием реформы общества. Исправление представляло собой, по определению Иригойена, "внесение гражданского сознания"⁸⁵ и приобретало национальный характер в той мере, как охватывало все население. Привить чувство надклассовой общности-нации – путь, который позволял объединить всех аргентинцев для торжества демократии. Национализм радикалов носил демократический характер, служил средством распространения прав и обязанностей "общей гражданской жизни" на все общественные классы и преследовал цель "положить конец антагонизму между народом и правительством"⁸⁶.

Взгляд Иригойена на ГРС как общенациональное движение – "мы сама родина"⁸⁷ – имел характер светской религии. Иригойен видел себя не политическим руководителем, а проповедником, представлял свою деятельность как "апостольскую миссию"⁸⁸, а "радикализм как освободительную религию"⁸⁹, которая дала "новую политическую мораль и внушила чувство моральной ответственности за судьбу человека"⁹⁰. В иригойенизме радикализм представлял как гражданская религия, которая санкционировала моральные ценности обновленной страны.

Такой взгляд Иригойена на ГРС и его роль вытекал из концепции исправления. Для Иригойена исправление не ограничивалось простой реформой, а несло в себе этико-философское содержание. Речь шла не просто об изменении коррумпированной и деформированной реальности, но предполагало лечение, заживление ран в социальном теле, нанесенных режимом⁹¹. Исправление включало возрождение, но не сводилось к нему. Необходимо было вернуться на истинный путь. В представлении Иригойена Аргентина в своем историческом развитии прошла два этапа: национального освобождения и национальной организации. Последний был прерван появлением коррумпированного режима и страна оказалась сбита с пути. Исправление представляло собой третий этап, возвращение на истинный путь, что означало возврат к принципам, провозглашенным Майской революцией, которые обрели конституционные формы на этапе национальной организации, но были попорчены режимом. Вместе с тем исправление означало восхождение на новый этап – не только реставрации, но и созидания и реализации всех духовных потенций индивида и общества в их гармоничном соче-

тации. Исправление не могло осуществиться без революции, которая и делала его реальным⁹².

Если для Алема революция оставалась сугубо политической категорией, то в системе взглядов Иригойена она обрела морально-этическое содержание. Он не отрицал вооруженное восстание и пошел на него в 1905 г., но он никогда не сводил революционное действие к "вооруженному протесту". Иригойен рассматривал революцию как состояние духовного восстания против режима⁹³. В такой трактовке насилие носило, прежде всего, моральный характер и являлось частью триады: революция, непримиримость и абсентеизм.

Вся триада имела, по мысли Иригойена, революционный характер и служила цели исправления. Непримиримость как форма решительного неприятия режима воспитывала сознание, что переговоры и соглашения с режимом коррумпируют характеры, отнимают революционную волю, подвергают эрозии радикализм. Иригойен придавал ей характер догмы, призванной сохранить этическую чистоту радикализма⁹⁴. Абсентеизм воспитывал непокорность и состоял в отказе радикалов участвовать в мошеннических выборах. В течение многих лет отказ от участия в выборах составлял существенную часть стратегии радикалов в их фронтальной оппозиции режиму. Иригойен рассматривал его как "жесткий и жертвенный способ закалки лучших и их сохранение в качестве морального резерва для продолжения долгой борьбы вплоть до окончательной победы" и как предохранение остальных от соблазнов "синекур в обмен на ослабление их сознания свободных людей"⁹⁵. Эти способы политического действия комбинировались в рамках радикальной революции, которая совершалась как "в абсолютном затворничестве абсентеизма или непокорности, непримиримости, также как в вооруженном протесте или в осуществлении избирательного права"⁹⁶ и преследовала цель морального возрождения нации, восстановления ее институтов и суверенитета, подъема ее трудящихся классов, развития культуры, социально-экономическом упорядочения... под знаменем родины в братской солидарности"⁹⁷.

Иригойен постоянно подчеркивал надклассовый, общенациональный характер ГРС, а себя видел поборником интересов нации в целом. "Я больше всего желаю, – писал лидер радикалов, – работать со всеми моими соотечественниками во имя величия родины, не служа ни одной партии, потому что мои... интересы не противоположны ни одному человеку. Моими страстными желаниями

являются желания нации, и ей я посвятил всю свою жизнь"⁹⁸. В иригойенизме понятия радикализма и нации сливались в единое целое. В представлении Иригойена "ГРС – это сама родина"⁹⁹. "Я могу утверждать, что он [ГРС – В.К.] само существование Республики и поэтому надежный залог работы, свободы, прогресса и справедливости"¹⁰⁰.

Эти утверждения Иригойена имели под собой серьезные основания. Радикализм возник в эпоху массовой европейской иммиграции, когда остро встала проблема интеграции огромной массы людей – детей иммигрантов – в аргентинскую нацию. ГРС стал выразителем этих потребностей, превратившись как бы в воплощение нации на новом этапе ее развития. Политическая демократия, за которую он боролся, гарантировала включение этих масс в общественную жизнь страны в качестве равноправных граждан, давала им возможность повысить свой общественный статус. Таким образом, национализм радикалов был неразрывно связан с демократией, стал формой борьбы с олигархией. С точки зрения радикалов идеи политической демократии и морального исправления должны были стать важнейшими элементами национального сознания, их усвоение – свидетельством его обретения.

В представлении Иригойена нация – это совокупность личностей, организм, учрежденный рядом других организмов (семья, различные ассоциации), основой всех их является человек как индивид. Но Иригойен не националист в общепринятом значении этого слова. Его национализм не форма ксенофобии или агрессивной отгороженности. Для Иригойена нация не существует изолированно, а в содружестве с другими нациями на принципах равенства. Все нации равны, все они имеют равные права и равные обязанности. По Иригойену принципы уважения и мира, равенство и невмешательство – результат морального исправления нации через восстановление индивида как суверенного существа, личности.

Из морально-этической концепции Иригойена органично вырастали патриотизм и интернационализм, неприятие войн. "Народы священны для народов, – утверждал Иригойен, – а люди священны для людей"¹⁰¹. Т.е. народы священны для народов только в том случае, если люди священны для людей. Братству народов предшествует в качестве обязательного предварительного условия братство людей. Эти взгляды Иригойена впоследствии в немалой степени обусловили его политику нейтралитета во время первой мировой войны и стали отправной точкой в развитии радикализма как антиимпериалистического движения.

В концепции Иригойена нация реализовалась в государстве, которое, являясь ее органом, гармонизировало все остальные, гарантировало их свободное и полное развитие в демократической федеративной республике. Иными словами, государство являлось политической организацией гражданского общества. Вместе с тем оно уже не могло оставаться лишь "ночным сторожем". В представлении Иригойена государство носило надклассовый характер и призвано было играть роль арбитра, в обязанности которого входило регулирование взаимоотношений различных классов и слоев аргентинского общества. Оно было обязано соблюдать интересы всего общества, а не только его состоятельной части, быть защитником и покровителем трудящихся, проводить политику социальной справедливости¹⁰². Отсюда – один шаг до его превращения в двигатель национального развития, что нашло отражение в действиях Иригойена на посту президента страны.

Иригойенизм, ставший доктриной ГРС, способствовал его консолидации как общедемократического движения вокруг фигуры Иригойена, который, не занимая официального поста партийного руководителя, был его вождем и идеологом.

Серьезным испытанием принципиальной позиции радикалов в отношении демократизации политического строя страны стали события, связанные с подготовкой, принятием и проведением в жизнь избирательного закона 1912 г.

В преддверии выборов 1910 г. состоявшийся в конце 1909 г. национальный конвент ГРС подтвердил отказ радикалов участвовать в них "из-за невозможности гарантированного и честного голосования"¹⁰³. Вместе с тем в ГРС существовала небезосновательная надежда, что многолетняя борьба радикализма в скором времени может увенчаться успехом и режим пойдет на демократизацию политической жизни в стране. Последнее было связано с новым президентом Р.Саенс Пенья.

Еще до официального вступления в должность Р.Саенс Пенья провел ряд встреч с Иригойеном, во время которых заверил лидера радикалов в своем намерении обеспечить "свободное и честное исполнение всех прав, записанных в Конституции". От имени ГРС Иригойен предложил провести реформу избирательного законодательства на базе военного регистра в качестве основы избирательного списка и введения пропорциональной системы голосования. Президент принял первое предложение и отверг второе на том основании, что конгресс никогда его не примет, а сам он является сторонником двухпартийной системы и неполного списка, с чем

согласился Иригойен. Принципиально важным стало обещание Р.Саенс Пенья, что к будущим выборам исполнительная власть предпримет интервенцию во все провинции с целью обеспечения свободного голосования¹⁰⁴.

Р.Саенс Пенья предложил радикалам принять участие в проведении реформы и с этой целью разделить правительственную ответственность. Конкретно речь шла о предоставлении ГРС двух министерских постов. Нацком ГРС отклонил это предложение, т.к. "оно не решает проблемы восстановления институтов и свобод и само по себе не является средством достижения столь священных и жизненно необходимых намерений". ГРС заявил, что "примет участие в избирательном процессе лишь после осуществления реформы"¹⁰⁵.

За предложением Р.Саенс Пенья скрывалось намерение интегрировать ГРС в систему. Для него и всего течения модернистов избирательная реформа означала лишь либерализацию режима, но никак не его тотальный демонтаж. Они и мысли не допускали, что радикалы смогут придти к власти. Неполный список им виделся следующим образом: $\frac{2}{3}$ мест консерваторам и $\frac{1}{3}$ радикалам¹⁰⁶.

Иригойен прекрасно понимал замысел Р.Саенс Пенья, когда требовал в качестве предварительного условия участия радикалов в выборах проведение интервенции федерального правительства во все 14 провинций с целью ликвидации в них олигархистских органов власти как главного залога демократических выборов. Это требование Иригойена, доведенное до логического конца, означало и ликвидацию самого федерального правительства, поскольку его происхождение носило столь же незаконный характер. Естественно, что Р.Саенс Пенья не мог пойти на это, не совершая политического самоубийства. Выход был найден в выборочной демократизации: власти гарантировали проведение честных выборов в провинции Санта-Фе и федеральной столице, которые принесли победу ГРС.

Успех на выборах усилил позиции тех сил в радикализме, которые требовали отказа от политики абсентеизма и включения ГРС в избирательный процесс. Они получили мощную поддержку от вновь вступивших в радикальную партию многочисленных провинциальных группировок консервативного характера, которым национальное руководство, стремясь укрепить общенациональный характер ГРС, широко открыло двери. Подавляющему большинству из них были чужды идеи радикализма о национальном возрождении, и привлекала лишь возможность доступа к власти. Но и

многие рядовые члены, и местные комитеты все меньше поддерживали политику бойкота выборов. Они искренне верили в возможность победы на выборах и без предварительной чистки местных органов власти. Во всяком случае всеобщим желанием было испытать силы радикализма, дать бой режиму на выборах.

Иригойен оказался в сложном положении. Он являлся принципиальным противником участия в выборах без предварительного демонтажа репрессивной машины режима на местах. Первоначально руководство ГРС приняло решение об участии в выборах лишь в тех провинциях, где власти обещали гарантировать свободные выборы. Несмотря на это решение местные организации начали подготовку к выборам практически во всех провинциях. В конце концов Иригойену не оставалось ничего иного как уступить массовым настроениям. В августе 1912 г. нацком ГРС провозгласил "возвращение к избирательной деятельности", перенес борьбу с режимом на избирательное поле¹⁰⁷.

В результате ни одной из сторон не удалось добиться выполнения своих главных целей. Модернистам – превратить ГРС в послушную оппозицию. Радикалам – устранить режим в качестве главного условия демократизации общественно-политической жизни. Вместе с тем время работало на радикалов. Со смертью Р.Саенс Пенья распалось политическое течение модернистов. Олигархический режим уже не мог выдвинуть ни лидеров, ни идей, способных привлечь к нему массового избирателя.

В этих условиях избрание Иригойена президентом страны в 1916 г. стало важным, но лишь начальным этапом ликвидации режима. Не случайно поэтому, что несмотря на настойчивые призывы вернувшихся в ГРС "диссидентов" во главе с Л.Мело принять правительственную программу, конвент ГРС по настоянию Иригойена ограничился требованием соблюдения конституции, подчеркнув, что "ГРС это сама нация", а "не политическая партия" и что "нынешний политический момент является историческим. Или страна победит режим и восстановит...свой суверенитет или режим посмеется над страной, и она будет жить под его господством..."¹⁰⁸. Последующее развитие событий как нельзя лучше подтвердило справедливость этого прогноза.

Взгляды Иригойена, его концепция исправления аргентинского общества нашли отражение в правительственной политике в годы первого (1916–1922) и второго (1928–1930) президентства лидера радикалов.

- ¹ Programa del Club Igualdad. – Alem L.N. Mensaje y Destino. T.I–VIII. Buenos Aires, 1955–1957. T.IV. P.17.
- ² Ibid. P.19.
- ³ Ibidem.
- ⁴ Ibidem.
- ⁵ Programa del Partido Republicano. – Ibid. T.V. P.309.
- ⁶ Ibid. P.310.
- ⁷ Las constituciones de la Argentina (1810/1972). Buenos Aires, 1975. P.414.
- ⁸ Manifiesto del Club "25 de Mayo". – Alem L.N. Op.cit. T.V. P.21.
- ⁹ Ibid. P.20.
- ¹⁰ Ibid. P.308.
- ¹¹ Debate sobre capitalización de la ciudad de Buenos Aires. – Alem L.N. Op.cit. T.VI. P.218–312; Ravignani E. (Ed.). Asambleas constituyentes argentinas. T.I–VI. Buenos Aires, 1937–1939. T.VI. P.428–477; 603–609 (Далее: Asambleas constituyentes).
- ¹² Asambleas constituyentes. T.VI. P.605.
- ¹³ Ibid. P.608.
- ¹⁴ Alen Lascano L.C. Alem y Saldias. – Todo es Historia. Buenos Aires, 1975. N 99. P.46.
- ¹⁵ Asambleas constituyentes. T.VI. P.607.
- ¹⁶ Alem L.N. Op.cit. T.VI. P.298.
- ¹⁷ Яркое и эмоционально этот взгляд изложил депутат Х.Эрнандес. В 1880 г. великий аргентинский поэт был горячим приверженцем федерализации Буэнос-Айреса, видя в этом залог быстрого и успешного развития страны. Возражая Алему, Эрнандес заявил: "Сеньор депутат (Алем. – В.К.) сказал, что умрут партии... Если бы законопроект не преследовал никакой иной цели как только смерть партий, для меня было бы достаточно, чтобы голосовать за него, потому что я не хотел бы партий... моя совесть аргентинца говорит, что не должно быть партий, которые разделяют общество. Хотя бы никогда не было партий! Хотя бы никогда общество не было разделено! Тогда мы не увидим землю, обгавленную кровью ее сынов!" – Asambleas constituyentes. T.VI. P.484.
- ¹⁸ Alem L.N. Op.cit. T.VI. P.262.
- ¹⁹ Asambleas constituyentes. T.VI. P.573.
- ²⁰ Ibid. P.603.
- ²¹ Alem L.N. Op.cit. T.VI. P.307.
- ²² Declaración de principios en el mitin del 1 de Setiembre de 1889 en Jardín Florida. – Hipólito Yrigoyen. Pueblo y Gobierno. T.I–XII. Buenos Aires, 1956. T.II. P.3–4.
- ²³ В декларации принципов ГРС говорилось: "(3) Что это глубокое нарушение нашего институционального режима привело страну к политическому, социальному и экономическому кризису". – Declaración de principios de la Unión Cívica Radical. – Ibid. P.79.

- ²⁴ Argentina Congreso nacional. Cámara de senadores Diario de sesiones. Año 1891. Buenos Aires, 1892. P.268. (Далее: Senadores).
- ²⁵ Ibid. P.104.
- ²⁶ Ibidem.
- ²⁷ Discurso del Dr. Alem en la inauguración de la H. Convención nacional [11 de noviembre de 1892]. – Alem L.N. Op.cit. T.VIII. P.125.
- ²⁸ Ibid. P.121.
- ²⁹ Ibidem.
- ³⁰ Declaración de principios (23 de noviembre de 1891) – Hipólito Yrigoyen. Op.cit. T.II. P.65.
- ³¹ Ibid. P.67.
- ³² Ibid. P.67–68.
- ³³ Ibid. P.68.
- ³⁴ Ibidem.
- ³⁵ Ibidem.
- ³⁶ Ibid. P.67.
- ³⁷ Ibidem.
- ³⁸ Ibid. P.68.
- ³⁹ Ibidem.
- ⁴⁰ Ibidem.
- ⁴¹ Ibidem.
- ⁴² Ibidem.
- ⁴³ Ibidem.
- ⁴⁴ Ibid. P.63.
- ⁴⁵ Senadores. 1891. P.272.
- ⁴⁶ Ibid. P.408.
- ⁴⁷ Ibid. P.266.
- ⁴⁸ Manifiesto del comité de la provincia de Buenos Aires rechazando el acuerdo (Septiembre 29 de 1897) – Hipólito Yrigoyen... T.II. P.264.
- ⁴⁹ Manifiesto del Comité Nacional al reorganizarse (29 de febrero de 1904). – Ibid. P.108.
- ⁵⁰ Revolución de 1905. Manifiesto. La UCR al pueblo de la República Argentina. – Ibid. P.308.
- ⁵¹ Segundo manifiesto. La UCR al pueblo de la República Argentina. – Ibid. P.308.
- ⁵² Российский посланник М.Прозор, сообщая Министру иностранных дел В.М.Ламздорфу, что "никто из известных политических деятелей Аргентины не принял участие в этом пронунсиаменто", добавил, что первоначально посчитали, "что во главе его стоит общепочитаемый член Конгресса г.Иригойен... Но очень скоро оказалось, что дело идет о каком-то другом Иригойене, лишенном всякого престижа..." – АВПРИ. Ф.133. Канцелярия МИД. 1905. Д.103. Л.34.
- ⁵³ Carta orgánica de la Unión Cívica Radical. – Hipólito Yrigoyen. T.II. P.80–83.

⁵⁴ Ibid. P.80.

⁵⁵ Luna F. Yrigoyen. El Templario de la libertad. Buenos Aires, 1954. P.177.

⁵⁶ Del Mazo G. El Radicalismo. Ensayo sobre su historia y doctrina. T.I. Buenos Aires, 1972. P.127; Alfonsín R. Que es el radicalismo. Buenos Aires, 1985. P.75–76.

⁵⁷ Развернутое объяснение причин конфликта дал Лисандро де ла Торре. Его свидетельство тем более интересно, что сам он, в отличие от П.Молины, Л.Мело и других "диссидентов" до конца жизни оставался убежденным демократом. В 1919 г., вспоминая работу национального конвента ГРС 1897 г., он писал в памфлете, направленном против Иригойены, что именно там произошло его бурное столкновение с Иригойеном. «Он отстаивал "непримиримость", слово, скрывающее политику заговора, которой никогда не было в радикальной партии под руководством доктора Алема в качестве единственной системы действия, а лишь как временного и отчаянного способа. Я вместе с большинством утверждал, что в том неустойчивом, непрочном положении, в котором находилась партия, революция не была ни возможной, ни законной и что чувство патриотизма советовало нам соглашение всех народных сил против кандидатуры генерала Рока". – De la Torre L. Obras. T.I–V. Buenos Aires, 1952–1954. T.I. P.19.

⁵⁸ О полном непонимании Лисандро де ла Торре причин, толкнувших Иригойена на восстание 4 февраля 1905 г., свидетельствуют следующие строки: "Достаточно сказать, что он набросился на только что начавшее работу правительство Мануэля Кинтаны до того, как оно смогло совершить хоть одно действие, заслуживающее такой кары". – Ibid. P.32.

⁵⁹ Краусизм имел широкое распространение в Испании и Латинской Америке во II-й половине XIX в. Иригойен познакомился с идеями Краузе через работы его популяризаторов бельгийца Г.Тиберхейма и испанца Х.Саенса дель Рио в 1880-е годы, когда стал преподавателем философии в коллежио. – Sommi L.V. Hipólito Yrigoyen. Su época y su vida. Buenos Aires, 1947. P.286–287.

⁶⁰ Renuncia del doctor Pedro C.Molina. – Hipólito Yrigoyen... T.II. P.115.

⁶¹ Del doctor Pedro C.Molina contestando al doctor Hipólito Yrigoyen.. – Ibid. P.136.

⁶² Ibid. P.137.

⁶³ Ibid. P.140.

⁶⁴ Ibid. P.139.

⁶⁵ Ibid. P.140.

⁶⁶ Del doctor Pedro C. Molina contestanda al Dr Hipólito Yrigoyen. – Ibid. P.165.

⁶⁷ Ibid. P.166.

⁶⁸ Primera carta de Hipólito Yrigoyen a Pedro C.Molina. – Hipólito Yrigoyen... T.II. P.120–121.

⁶⁹ Ibid. P.122.

⁷⁰ Ibid. P.123.

- ⁷¹ Ibidem.
- ⁷² Ibid. P.124–125.
- ⁷³ Ibid. P.124.
- ⁷⁴ Ibidem.
- ⁷⁵ Ibid. P.126.
- ⁷⁶ Ibid. P.131.
- ⁷⁷ Ibidem.
- ⁷⁸ Ibidem.
- ⁷⁹ Ibid. P.122.
- ⁸⁰ Segunda carta de Hipólito Yrigoyen... Ibid. P.152.
- ⁸¹ Tercera carta de Hipólito Yrigoyen... Ibid. P.190.
- ⁸² Ibid. P.189.
- ⁸³ Ibidem.
- ⁸⁴ Manifiesto del Comité Nacional al reorganizarse (29 de febrero de 1904) – Hipólito Yrigoyen... T.II. P.104.
- ⁸⁵ Yrigoyen H. Mi vida y mi doctrina. Buenos Aires, 1984. P.124.
- ⁸⁶ Ibid. P.125.
- ⁸⁷ Ibid. P.138.
- ⁸⁸ Ibid. P.49.
- ⁸⁹ Ibid. P.91.
- ⁹⁰ Ibid. P.121.
- ⁹¹ Еще в первом письме Молине Иригойен отмечал, что это "болезненное состояние само по себе не пройдет". – Primera carta de Hipólito Yrigoyen... – Hipólito Yrigoyen... T.II. P.123.
- ⁹² Yrigoyen H. Mi vida.. P.84, 131, 124.
- ⁹³ Ibid. P.79.
- ⁹⁴ Ibidem.
- ⁹⁵ Ibidem.
- ⁹⁶ Ibid. P.108.
- ⁹⁷ Ibidem.
- ⁹⁸ Ibid. P.138, 93.
- ⁹⁹ Ibid. P.138.
- ¹⁰⁰ Ibid. P.139.
- ¹⁰¹ Ibid. P.66.
- ¹⁰² Ibid. P.50.
- ¹⁰³ Convención nacional (31 diciembre 1909). – Hipólito Yrigoyen... T.III. P.81.
- ¹⁰⁴ Entrevista política del doctor Yrigoyen con el doctor R.Saenz Peña. – Ibid. P.377–378.
- ¹⁰⁵ Declaración del Comité Nacional sobre propósitos del partido. – Ibid. P.385.
- ¹⁰⁶ Интересна реакция Саенс Пенья на отказ радикалов: "Это большая ошибка Иполито. Радикалы могли взять власть в результате переворота... но очень трудно, чтобы они это сделали на свободных выборах. ПАН, ко-

торая является традицией и исторической силой, господствует без различий во всей стране... – Цит. по: Luna F. Op.cit. P.187.

¹⁰⁷ Manifiesto anunciando la vuelta a la acción electoral. – Hipólito Yrigoyen... T.III. P.395–396.

¹⁰⁸ Manifiesto de la UCR al pueblo de república. – Ibid. P.415, 416.